

божества Митры, «наблюдающего за людьми», воплощающего мир, космический и правовой порядок.

Как божество, наблюдающее за миром, Мир-сусне-хум в мифологической традиции оказывается связан с разными землями и народами. В сказании, записанном уже в середине XX века, он именуется «Купцом Нижнего Света, Купцом Верхнего Света», который продает-покупает дорогой товар у русского человека.

Следует отметить, что наименование целого класса финно-угорских персонажей: мордовский *озыр*, удмуртский *узыр*, коми *озыр* — «господин, хозяин», равно как и обско-угорский *отыр* — «богатырь», восходит к иранскому (или индоиранскому) обозначению божеств — *ахура* (асура).

Индоиранское влияние впитали финно-угры и в своих представлениях о шаманах и колдунах.

МИФ О НЕБЕСНОЙ ОХОТЕ И РУНЫ «КАЛЕВАЛЫ»

Сюжет охоты на чудесное животное, включающий противопоставление природы (гигантский лось) и культуры (мир людей), относится к *космогоническим мифам* — это сюжет «небесной охоты» — первой охоты, когда чудесный лось (или олень) превращается в созвездие Большая Медведица, а лыжня охотника становится Млечным Путем. Так представлялось автору и Е. А. Хелимскому в период их совместной работы над циклом финно-угорских мифов для энциклопедии «Мифы народов мира». Наиболее развернуто сюжет представлен в мифологии обских угров. В зауральских мифах лося приписывается небесное происхождение: охотник согнал лося с неба на землю и отрубил ему лишние две ноги, но следы небесной охоты навсегда запечатлелись на небе: Млечный Путь — это лыжня охотника,

Плеяды — женщины из его дома, Большая Медведица — сам лось. Небесный же охотник с тех пор поселился на земле, где завелась доступная ему дичь.

Один из наиболее известных сюжетов карело-финских рун*, включенных в книжный эпос «Калевала», — охота на лося Хийси. Герой руны «хитрый парень Лемминкяйнен», похваляющийся своими чудесными лыжами, вызывает гнев демонического хозяина дикой природы Хийси. Подвластные ему духи создают из лесной растительности лося, бег которого сотрясает весь мир. Лемминкяйнен уже настиг было зверя и предался мечтам, как он расстелет его шкуру для брачного ложа, но лось вырывается; герой вновь встает на лыжи, но ломает их, упуская добычу.

Мотив неудачи Лемминкяйнена объясняется широко распространенными запретами: во время охоты нельзя хвастаться грядущим успехом и мечтать о любовных утехах. Один из вариантов сюжета о небесной охоте, распространенного в Северной Евразии, связан как раз с брачными испытаниями: в мифе коми герой-охотник преследует чудесного оленя, который превращается в девушку. В другом угорском мифе охотник — младший сын небесного бога — в начальные времена гнался за шестиногим лосем по земле. На волшебных лыжах герой настиг лося на краю мира. Здесь он и отрубил ему лишние ноги, а потом разделал тушу. Шкуру зверя он прикрепил к небу — она должна стать зарей. След его также прибил кончиком лука к небу — это звезды, по которым смогут ориентироваться люди. Лося он заклал, чтобы зверь уставал и позволял охотнику догнать себя.

Географически карело-финским сюжетам близки саамские, где тоже есть небесный олень (он же культурный герой) — Мяндаш;

* Руны, или рунические песни, — старинные песни, распространенные у прибалтийско-финских народов.

Шаман в рогатом головном уборе преследует гигантского лося
на неолитической писанице из Астувансалми

Рогатый головной убор шамана у хантов. Найдено в Сибири

Бегущий олень. Бронза, скифский звериный стиль, железный век (найдено в районе Минусинска)

его тропа — тропа солнца. На золотого белого оленя Мяндаша охотится громовник Айеке со своим луком-радугой. Охота за солярным оленем должна длиться вечно, ее конец означает конец света. Когда в оленя попадет первая стрела охотника-громовника, горы извергнут огонь, реки потекут вспять, иссякнут источники и высохнет море. Когда вторая стрела вопьется оленю в лоб, огонь охватит землю, горы сгорят, а на Севере лед закипит. Северный ветер станет пламенем, и сам Северный Старец сгорит. Когда же собаки громовника схватят оленя и бог вонзит в его сердце нож, звезды падут с небес, утонет солнце, на земле останется лишь прах. Этот сюжет — шаман в рогатом головном уборе преследует гигантского лося — представлен на неолитической писанице из Астувансалми.

Саамские мифы связаны с распространенными космогоническими мотивами о пути преследуемого солнца и происхождении грома и молнии от разящих стрел громовника. Саамам известен и «ночной вариант» небесной охоты, где лось включает в себя созвездия Кассиопеи, Персея и Возничего, — движение созвездий и здесь воспринималось как процесс охоты.

В карело-финских рунах об эпической охоте бросается в глаза отсутствие собственно космогонического продолжения: лось Хийси исчезает, не превращаясь в созвездие, Лемминкяйнен — неудачник. Собственно космогонический миф, сохранившийся

в карело-финском эпосе, — миф о мировом яйце, из скорлупы которого возникают звезды.

Можно полагать, что космогонический миф о мировом яйце вытеснил в карело-финской традиции более архаический сюжет о небесной охоте. О древности охотничьего мифа свидетельствует его популярность в Евразии начиная с неолита и бронзового века. Изобразительные композиции позволяют соотносить многочисленные фигуры лосей карельских петроглифов с солярными сюжетами.

Яркий пример — писаница на реке Мая в бассейне реки Алдан: она изображает охоту лучника на лося, под брюхом которого — солнце, личина, окаймленная лучами. А. И. Мазин приводит миф, записанный у эвенков-орочонов: в начале времен не было дня и ночи, солнце светило весь день, пока лось не схватил солнце и не помчался по небу. За ним следовала его лосиха, а герой — охотник Мани — стал их преследовать с луком и двумя собаками. Лось передал солнце лосихе, но и ту настигли стрелы охотника. Солнце было возвращено людям, участники охоты превратились в звезды (Млечный Путь — лыжня охотника, Большая Медведица — лось и т. д.), а ночь стала сменяться днем, поскольку ежедневно повторяется небесная охота. А. М. Жульников обнаружил сходный сюжет среди карельских петроглифов: лыжник с личиной волка отбирает у лося символы светил — луны и солнца; исследователь считает, что в Карелии эпохи неолита

Голова лося, выточенная из мыльного камня. Каменный век.
Найдено на территории Финляндии

был известен миф о похищении светил небесным лосем, а значит, и миф о небесной охоте. Заметим, что в мифе эвенков-орочонов, равно как и в других изобразительных сюжетах, проанализированных разными исследователями, у небесного лося нормальное число конечностей.

К эпохе формирования индоиранской традиции (бронзовый век, время, когда древние иранцы и индийцы-арии в Предуралье еще не разделились) относится упоминавшийся образ зверя *шарабха* (*сарабха*), способного уйти от любого охотника, ибо у него *восемь* ног. Само имя чудесного зверя давно ассоциируется с названиями лося в финно-угорских языках. Напомним, что в угорской мифологии лось (олень), обитавший в начале времен на небе, имел *шесть* ног; здесь лось, а не охотник начинает гордиться своей непобедимостью, что вызывает гнев небесного бога Торума. Он послал сына — охотника-богатыря, который настиг лося, отрубив ему лишние ноги и хвост, создав таким образом нормальное земное животное. Гигантский лось остался на небе в виде Большой Медведицы, лыжи охотника запечатлелись в виде Млечного Пути.

Индоиранские параллели — одна из магистральных тем сравнительно-исторического исследования финно-угорских мифов. Финский фольклорист Мартти Хаавио видел в сюжете охоты на небесное копытное (у балтийских финнов) прямое отражение распространенного в римском мире иранского мифа о Митре, преследующем небесного быка. На Балтику миф могли занести римляне, у которых культ Митры был популярен. Главным космогоническим деянием иранского бога стало приручение и жертвоприношение гигантского первозданного быка: из его расчлененного тела возникли все полезные растения, из семени — животные. В карело-финских рунах рассказывается о рождении в крае Хяме (Суоми) гигантского быка, между рогами которого «ласточка денек летела, месяц же скакала белка». Разные герои и сам бог (Укко) пытались заколоть

чудовищного быка, но тот отбивался, пока чудесный персонаж, явившийся из моря, или сам кузнец Ильмаринен — один из главных героев рун «Калевалы» — не покончил с ним, так что мяса хватило всем.

Представления о том, что миф о Митре «мигрировал» с римлянами, находит соответствие в современных свидетельствах историков и лингвистов о мощном воздействии иранской традиции на развитие религиозно-мифологической культуры народов Северной Евразии. Божественным персонажем, который воплощал это воздействие, действительно считается Митра: этому посвящены специальные работы В. Н. Топорова. Отражением культа и имени Митры считается и обско-угорский Мир-сусне-хум, у которого в одном из вариантов мифа был шестиногий конь.

Сравнительно-историческое исследование этого евразийского сюжета продолжается: обращает на себя внимание относительно недавнее открытие изображения восьминогого копытного (олень?), имеющего вполне конкретные исторические характеристики и контекст, расширяющий сюжет за пределы Северной Евразии и индоиранской традиции. Как уже говорилось, созвездие Большая Медведица именовалось Лосем и в Древней Руси — в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина.

В 1985 году в болгарском селе Рогозен (Врачанская область) обнаружили Рогозенский клад — фракийские сокровища, датированные концом V — серединой IV века до н. э. Сюжету на одной из серебряных чаш посвящены специальные работы болгарского культуролога Ивана Маразова. На чаше изображено шествие из четырех животных, которое отсылает к универсальной космограмме — четырем сторонам света. Шествие возглавляет восьминое копытное (олень? — изображение фрагментарно), завершает хищная птица, в клюве которой — рыба, в ногах — терзаемый зверек (заяц?), между восьминым

Писаница со сценой охоты на лося, река Мая,
и сцена охоты на лося, Бесов Нос, Карелия

и птиц — копытные (олень и козел). Над композицией — фриз* из птичьих голов, который, возможно, передает гигантские рога восьминогого существа: об этом трудно судить из-за фрагментарности изображения, но близкие композиции на фракийских сосудах включают в себя восьминогого оленя с гигантскими рогами, оформленными как птичьи головки. Так или иначе, мотив птичьих голов отсылает к небесной сфере. Маразов проводит параллели с восьминогими животными в других

* Фриз — здесь: полосы с орнаментами или изображениями.

мифологических традициях — от скандинавского Слейпнира до шаманских культов Евразии, справедливо отвергая интерпретацию восьминогого как просто изображение двух оленей. Можно предположить, что восьминогость — действительно признак двух копытных (в отличие от шести ног — признака демонического происхождения твари в финно-угорской традиции). Фигура восьминогого животного воплощает в «свернутом виде» схему мирового древа — вертикали, по сторонам которой располагаются два копытных, воплощающих космос. Рога космического оленя — аналог мирового древа: гигантские рога оленей, широко представленных в скифо-сибирском зверином стиле раннего железного века, возвращают нас к перспективной проблеме иранского воздействия на культуру Северной Евразии.

Не только сюжет о богатырской охоте, но и сюжет о рыбной ловле в карело-финском эпике ассоциируется с добыванием невесты: тот же Лемминкяйнен не узнаёт в пойманной рыбе свою невесту. Космогония и становление человеческого коллектива объединены общими сюжетами и образами; космический олень оказывается причастным ко всем сферам мироздания.

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА БИАРМИЯ И ВИКИНГИ

У своих соседей — скандинавов и русских — обитатели Крайнего Севера финно-угры и саамы славились как колдуны и оборотни. Недаром в средневековой Скандинавии Белое море в сагах называлось Гандвик — Колдовской залив. За территорией финно-угорских народов простирались неведомые земли. В «Истории Норвегии» (XII век) рассказывается, как моряки, отправившиеся из Исландии в Норвегию, были отброшены бурей за пределы известных им северных стран карел, квеннов-финнов и неких «рогатых финнов» (возможно, имелись в виду саамы, носившие шаманские уборы с рогами) в «зимние земли», расположенные

где-то между Гренландией и Биармией, на окраине финно-угорских земель. Там обитали великаны и амазонки, которые способны были зачать от глотка воды, — фантастические народы, жившие на краю ойкумены.

Но больше всего чудес рассказывается в исландских сагах о Биармии. Название *Биармия* напоминает имя Пермской земли на севере Восточной Европы, но в сагах это фантастическая страна неслыханных богатств, где живут люди, наделенные сверхъестественными способностями.

Описание сказочного храма в Биармии сохранилось в одной из саг о древних временах — «Саге о Стурлауге Трудолюбивом». В ней рассказывается, что в храме, посвященном скандинавским богам Одину и Тору и богиням Фригг и Фрейе, хранятся огромные богатства. Главное из них — волшебный рог Урархорн, рог волшебного зверя Единорога, блестящий, как золото, но полный колдовских чар — до него нельзя дотрагиваться голыми руками. Конунг свеев посылает Стурлауга раздобыть этот рог.

Биармия на карте Олафа Магнуса (в верхнем правом углу). 1539 г.

Стурлауг и его товарищи проникли в Биармию через страну хундингов, людей-собак, — это один из тех народов-монстров, что населяли, по средневековым поверьям, край земли вместе с великанами и амазонками. Хундинги схватили героев и заключили их внутри полых камней. Но Стурлауг нашел там оружие, которое помогло героям освободиться.

Когда они добрались до храма, то увидели идол Тора, сидящего на почетном возвышении. Пред ним стоял стол, полный серебра. Рядом лежал и Урархорн, полный яда. Здесь были и шахматы из золота, и развешанные на шестах по стенам роскошные одеяния и золотые кольца.

Богослужением занимались тридцать женщин, одна из которых выделялась богатырским ростом и устрашающим видом: она была темно-синего цвета, как скандинавская богиня смерти Хель. Она совершала обряд перед идолом Тора и, увидев Стурлауга, произнесла угрожающие стихи-висы: напрасно герои мечтают поживиться кольцами и обрести рог — Стурлауг будет раздавлен мельничными жерновами. Действительно, путь к алтарю преграждали каменные плиты, но Стурлауг смог перескочить через них и схватить рог. Его друг Хрольв также справился с препятствием и взял золотые шахматы, но злобная жрица бросилась за ним и так швырнула его о плиты, что тот сломал позвоночник.

Стурлауг со своей добычей успел добежать до кораблей, и, когда страшная жрица настигла его, он пронзил ее своим оружием — тем, что помогло ему выбраться из каменной тюрьмы. События, описываемые в саге, фантастичны, жителям Биармии — севера Восточной Европы — приписано поклонение скандинавским богам, но в саге сохранились отголоски древних верований и культов.

Добыча чудесных предметов в волшебной стране или преисподней — широко распространенный сюжет: спасающихся героев преследует хозяйка иного мира, Баба-яга в русской сказке

или хозяйка Похьёлы — Лоухи, которая хочет вернуть похищенную мельницу-чудесницу сампо, напоминающую рог изобилия из викингской саги.

В «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» викинги встречаются в бою с предводителями финнов и биармов — страшными оборотнями. Один из предводителей финнов — конунг Флоки — мог стрелять из лука одновременно тремя стрелами и попадал ими сразу в троих. Хальвдан отрубил ему руку так, что она взлетела в воздух. Но Флоки подставил свою культю, и рука приросла к ней обратно. Тем временем другой конунг финнов превратился в гигантского моржа, который смог одновременно задавить пятнадцать человек. Конунг же биармов Харек превратился в дракона, и викингам с большим трудом удалось расправиться с чудовищами и овладеть Биармией.

Великий исландский историк и скальд Снорри Стурлусон в своем знаменитом собрании саг «Круг земной» более реалистично описал поездку скандинавов на Гандвик, в устье Вины — Северной Двины, где был торговый центр биармов. Предводитель викингов Торир, закончив торговлю, решил прекратить с ними мир и поживиться их сокровищами. Он рассказал, что по обычаю биармов треть имущества умершего должна помещаться в лесном святилище, под курганом — земляной насыпью: там золото и серебро были перемешаны с землей. Викинги подошли к такому святилищу и проникли за изгородь. Торир велел каждому брать столько, сколько сможет унести, — не трогать лишь бога биармов, который зовется й омали. Когда викинги собрали сокровища и побежали к воротам, Торир вернулся и взял большую серебряную чашу, что стояла у идола й омали на коленях. Чаша была полна серебряных монет, которые Торир высыпал себе за пазуху. Но это увидел один из его спутников, подбежал к идолу и срубил драгоценное ожерелье с его шеи. Удар был так силен, что у идола отлетела голова. Тут-то и раздался страшный шум (который опять напоминает нам о трубных

звуках, издаваемых органом Золотой бабы), привлекий целую рать биармов. Но Торир оказался ведуним не хуже, чем кудесники биармов: он велел посыпать следы и свою отступающую дружину чем-то, похожим на пепел. Так они сделались невидимыми для преследователей.

Сходный обычай был известен самим финнам: чтобы обезвредить злые чары колдуна, с угрозами покидавшего дом, хозяева должны были ему вслед бросить золу из очага и трижды плюнуть. Затем нужно произнести специальный заговор и замести следы.

Больше чудесных подробностей о верованиях биармов можно узнать в исландской саге, повествующей о древних временах и подвигах викинга Боси. Коварный скандинавский конунг отправляет викинга и его побратима Херрауда в Биармию, чтобы те достали чудесное яйцо чудовищного ястреба, расписанное золотыми рунами. Проникнув в Биармию, Боси узнаёт у влюбленной в него девицы, где находится его добыча. Ястреб обитал в храме бога й омали, наполненном сокровищами. Хозяйкой храма была колдунья — мать правителя Биармии. Благодаря волхованию она узнала, что не проживет и месяца, и велела привезти в храм красавицу Хлейд, чтобы та сменила ее в страшном капище. Специальный раб ежедневно приводил молодую, еще не телившуюся корову, которую поедала колдунья. Но перед этим корову должен был покрыть заговоренный бык, которого держали на цепи в храме. После чего ее мясо становилось отравленным колдовским зельем и всякий отведавший его впадал в безумие. Этого мяса должна была поесть и Хлейд, чтобы стать злобной колдуньей.

Побратимы подкрались к храму и убили раба вместе с коровой, которую тот пас. Херрауд облачился в рабский плащ, а шкуру набил листвою, сам же Боси поднял на спину труп раба, пронзив его копьем. Жрица спала, когда побратимы проникли в храм. Тут бык набросился на чучело коровы, и герои свернули

ему шею. Ястреб же увидел труп и хотел схватить его чудовищными когтями, но Боси пронзил птицу копьем, и та рухнула прямо на викинга. Проснувшись, колдунья бросилась на Херрауда и поранила его до кости своими когтями, но поскользнулась в крови ястреба. Побратимы расправились со жрицей, и, когда та испустила дух, земля содрогнулась.

В гнезде ястреба они нашли яйцо и так много золота, что едва хватило сил его унести. Идол й омали сидел у алтаря: побратимы сняли с него корону, украшенную драгоценными камнями, ожерелье и взяли с колен чашу, наполненную червонным золотом. Спасли они и красавицу Хлейд, прикованную в храме, а само капище подожгли.

В этом фантастическом рассказе читатель обнаружит знакомые мотивы: служители капища приводят себя в транс, поедая отравленное зелье; идол одет в драгоценный убор; даже чудовищная птица напоминает о Лоухи, преследующей героев в образе птицы. О чудесном яйце повествуют многие финно-угорские мифы — о них еще пойдет речь.

Более реалистичными оказываются древнерусские описания северных — чудских — земель.

ЧУДЬ И ВОЛХВЫ

В Древней Руси прибалтийско-финские народы, прежде всего предки финнов-хяме (в летописи их звали *ямь*) и эстонцев, с которыми первыми встретились новгородские славяне, заселявшие Восточную Европу, именовались чудью — «чужими», чудными людьми. Тогда чудь говорила на непонятном для славян языке и имела непохожие обычаи.

В «Повести временных лет» рассказывается о том, как некий новгородец пришел в земли чуди и захотел погадать — «поволховать» — о будущем у чудского кудесника. Это древнейшее

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)